

СОДЕРЖАНИЕ

Портрет	3
Сергей Волжский	
На службе у Провидения	35
Евгения Якушина	
Дело о колье Марии-Антуанетты	65
Светлана Пригорницкая, Людмила Буркина	
Голубые глаза	100
Анастасия Щетинина	
Семь персонажей одной картины	130
Вера Прокопчук	
Изображая жертву	162
Татьяна Уварова	
Иллюзионист	186
Ирма Кишар	
Тайна пылающего жирафа	208
Юлия Леонова	
У каждой женщины есть прошлое	230
Елена Щетинина	
Трюк с фонарем	252
Александр Подольский	

ПОРТРЕТ

Сергей Волжский

#по_следам_убийцы
#дьявол_в_деталях
#много_кофе_не_бывает

1.

Потирая двумя пальцами покрасневшую переносицу, майор Грановский вглядывался в полотно дождя, сквозь которое спешными шагами направлялся к их служебной машине лейтенант Зверев. Дрожащими от предвкушения ароматного напитка руками он сжимал два бежевых стаканчика капучино. Передав сокровища начальнику, Зверев уселся на водительское сиденье, небрежно хлопнул дверью и, не закрыв ее, хлопнул что есть сил, громко выругавшись.

— Не ори над ухом, и так голова болит, — злобно проворчал Грановский, метнув взгляд воспаленных от бессонницы глаз на молодого во всех смыслах помощника. За тот месяц, что Зверев служил под началом Грановского, парень поднаторел лишь в покупке кофе с круассанами да в том, что садился за руль, когда шеф уставал.

А Грановский устал. В самом деле устал. От вялого, затянувшегося развода с женой, от сырого, прокуренного кабинета с видом на котельную. От того,

что в октябре, как по часам, обостряется его хронический бронхит, забивавший легкие кошмарной коркой, как будто грудь наполнили цементом и дали задохнуться. От этого кашля не спасали ни сиропы, ни таблетки, ни курносая врачиха с длинным, как у лошади, лицом, посоветовавшая Грановскому принять ситуацию и пить крепкий чай с лимоном. А во что обошлась аренда жилья! Если бы не положенная по закону компенсация, он чувствовал бы себя совсем тоскливо.

Однако более всего майор Грановский устал от трех нераскрытых убийств, висевших над ним мертвыми тенями обезображенных жертв уже четвертый месяц кряду. Формально, он свои обязанности выполнял сносно, несмотря на... Но в этот раз лишь отчеты щеголяли своей аккуратностью, а дело стояло. Три женских трупа, нетронутые тем, чем может тронуть женщину извращенец, но изуродованные, словно в насмешку над чем-то, чего Грановский постичь не мог. Всем трем отсекали руки почти по локоть, прежде чем закончить кошмарный процесс глубокими проникающими ранами. И ни логики, ни связи между жертвами, ни даже четких географических ориентиров. Только то, что погибшие женщины не были знакомы, убийца — явно правша... и всё. Красная роза подле тела и платок, пропитанный Шанель № 5, бывают только в книжках. Впрочем, логика у душегуба, скорее всего, присутствовала. Просто Грановский ее не понимал.

— Чего не пьете, ведь остынет? — Зверев слегка тронул Грановского за локоть.

— Пытаюсь заново привести в порядок... мысли. И факты, — сквозь зубы ответил майор и в неудачной

попытке отхлебнуть кофе пролил коричневатый напиток на замшевое пальто. — Твою ж...

Он осекся и полез за платком.

— Промокните бумажной салфеткой. — Зверев протянул упаковку.

Отблагодарив лейтенанта подобием кислой ухмылки, Грановский заговорил вслух, как всегда, когда желал предельно сосредоточиться.

— Итак, по делу о серийнике. Давай... а давай ты! — Он в упор уставился на парня.

Зверев отпил капучино и выразительно прочистил горло.

— Значит, первую нашли на обочине Новоприморского шоссе. Юлия Копылова, двадцать три. Зарабатывала там же, в основном на дальнобойщиках. Если убийца клиент, то это глухарь. Был бы. Но она первая из трех...

Они неслись по затянутому сырой пустотой октября Приморскому проспекту, громко втягивая горячий кофе, приятно согревавший измотанное дождями и бессилием перед неизвестным извергом нутро.

— Приятель этой Копыловой Стас Гусев под вопросом. Согласно материалам, алиби нет, просыхал после пьянки. Безработный последние четыре месяца. С тех пор, как начались убийства.

— Молодец, — впервые похвалил помощника Грановский, слегка кивнув.

— Спасибо, — расцвел Зверев. — Настаивает, что о... специальности, скажем так, своей подружки знал. Типа тоже работа.

— Ну, работа, — пожал плечами Грановский.

— Оснований задержать Гусева не было, но это вполне мог быть он. Только не вижу мотива. И портрет

не подходящий. Типичный невротик. Злобный неудачник. Но отрубить руки трем бабам?.. Вряд ли.

— Левее давай теперь. На Савушкина и потом... — Грановский тронул пальцем экран. — Серебряков переулочек.

— Вторая... ну, сейчас про нее и поговорим, на месте.

Грановский хмыкнул, изучая карту.

— А третья Виолетта... как ее... — Зверев прищурил глаза. — А, Юмаева! Тридцать один. Медсестра. Жила с родителями. На подозрении разве что отец. Это если из своих. Просто я помню, что чаще всего убийцы прячутся в близком окружении. Одной из жертв.

— Да, по статистике, — буркнул Грановский. — Сворачивай на светофоре.

Добравшись до дома №7 по Серебрякову переулку, они позвонили в четвертую квартиру и вскоре просунулись в узко приоткрытую дверь на площадке второго этажа. Их встретило осунувшееся лицо Светланы Павловны, матери Ирины Котовой, погибшей в унылом, промокшем от нескончаемого дождя августе. Двоих мужчин встретили тусклые, непросыхающие от слез глаза.

— Извините за очередное беспокойство. Но надо уточнить кое-какие моменты.

— Ну что ж, заходите, — дрожащим голосом ответила Котова.

Грановский стащил влажное пальто и водрузил его на вешалку, перевесив на соседний крючок потертую, насквозь мокрую спортивную куртку с эмблемой «Nike». Войдя в гостиную вслед за женщиной, он напоролся на ледяной взгляд и на мгновение замер в недоумении.

— А, Кирилл Иванович, какими судьбами?

— Я могу вас спросить о том же, — злобно парировал молодой человек в вязаном свитере, застывший с дымящейся чашкой в руке.

— Мы по долгу службы, так сказать.

— Ага, только толку от вас никакого, товарищи, — едко бросил жених покойной Ирины.

— Послушайте!.. — начал было Зверев.

— Тихо-тихо, — оборвал его Грановский, повелительно подняв руку.

Молодой человек оскалился и с шумом отхлебнул чай.

— Ну, что же вы хотите на сей раз? — Он скривил лицо.

— Напомните, где вы были в вечер смерти вашей невесты. Надеюсь, не забыли?

Кирилл тяжело вздохнул.

— Повторяю в тысяча первый раз, товарищи. В тот вечер я был. Здесь. Со Светланой Павловной. Мы ждали Иру. К восьми часам. Она не пришла...

— А пришли вы когда? — подал голос Зверев.

— Без пятнадцати восемь примерно. Но я помню, разумеется, только по собственным показаниям. Которые давал миллион раз. Правильно я помню, Светлана Павловна?

— Да, приблизительно во столько, — горестно произнесла Котова.

Отвернувшись от источающего нахальную неприязнь парня, Зверев уставился на стену, где его встретил почти тот же взгляд, только с портрета в темной раме. Кирилл Суровкин в акварели критически смотрел на Зверева, мастерски изображенный неизвестной рукой.

Оглядев творение, Зверев зашевелил губами и вскинул брови.

— Это Ирина вас рисовала? — не удержался он.

Видя, что Котова и Суровкин обратили взоры на Зверева, Грановский изобразил лицо Роберта Дауни-младшего на знаменитом кадре, ставшем незаменимым на просторах интернета.

— Нет, — сухо ответил парень. — Ира не умела рисовать. Она подарила его мне на день рождения. Рисовала ее знакомая.

— Почему портрет тут, а не у вас?

— Потому что я собирался переехать сюда.

Недолгую тишину прервал громкий рингтон, выпорхнувший из внутреннего кармана Зверева. Извинившись, он вышел в коридор.

— Отлично, — кивнул Грановский. — Светлана Павловна, я, собственно, хотел спросить вас, но раз Кирилл Иванович здесь, могу в вашем присутствии... Скажите мне вот что...

Зверев ворвался в комнату с таким грохотом, что все трое подскочили и устремили на него три пары изумленных глаз. Чай расплескался по столу.

— Шеф, идите!.. — Парень загибающим жестом звал Грановского в коридор и, как только тот вышел, зашептал на ухо: — Еще одна. Четвертая.

— Да твою же... — захрипел Грановский.

— Не в этом дело. Его взяли. На месте! — Лицо Зверева сияло.

2.

Грановский смерил глазами мужчину в мешковатой куртке, закованного в наручники, усаженного по

ту сторону письменного стола в комнате для допросов.

— Коробченко Олег Юрьевич. Семьдесят девятого. Сотрудник санслужбы. Судим за побои, — он негромко кашлянул, шурша страницами протокола, — в девяносто шестом. И за хранение. В две тысячи четвертом.

— Да, я — Коробченко, — заговорил страшным голосом лысый, как футбольный мяч, мужчина, обнажив зубы в полубезумной улыбке. Он грохнул браслетами по столу. — И вам повезло взять самого... МЕНЯ.

Грановский кашлянул громче, поглядывая на часы за спиной задержанного.

— Прекрасно, — он шмыгнул носом. — Ну, говорите.

— Я — тот, кого вы искали все эти годы, — усиленно растягивая слова, произнес мужчина и наклонился вперед, сверкая мутными глазами. — Радуйтесь.

— В чем конкретно вы сознаетесь? — официальным голосом спросил Зверев, похлопывая смартфоном о левую ладонь.

— В убийствах, конечно. — Мужчина недоуменно склонил голову.

— И сколько же убийств вы совершили, гражданин Коробченко? — Грановский постукивал карандашом о поверхность стола.

— Тридцать восемь. Нет, тридцать девять! Первую я ухлопал еще в девяносто третьем. Вот таким пацаном. — Он медленно провел ладонью сверху вниз.

— Кроме кистей рук, какие части тел вы употребляли в пищу? — серьезно спросил Грановский.

— Да все без разбора. — Мужчина лязгнул зубами.

— Вы вступали в сексуальный контакт с жертвами до или после убийства? — спросил Зверев заинтересованным тоном, при этом бросив косой взгляд на шефа.

Грановский одобрительно кивнул.

— Что за дурацкий вопрос, естественно, ДО, — возмутился мужчина. — Я не какой-то извращенец.

— Слушай, ты, придурок!.. — Грановский неожиданно вскочил и, схватив мужчину за ворот куртки обеими руками, притянул к себе.

— Шеф-шеф! — Зверев взял его за плечо.

Грановский отпустил Коробченко и с шумом выдохнул.

— Вместо того чтобы работать, я должен тратить время на этих уродов. Решил прославиться, да? Думаешь, ты один желающий? Только за последнюю неделю сто восемь идиотов признались в таких преступлениях, что тебе не снилось даже. Эти убийства с отрезанными руками взяли на себя уже человек двадцать, а то и больше. У них даже лучше получалось.

— Да плевать я хотел на них. Я — убийца! Маньяк, понимаете? — заорал мужчина. — Я требую, чтобы меня немедленно арестовали.

— Вышвырните этого... А, хотя подождите. Задержите его на сутки, пускай остынет. Заодно проверьте отпечатки, следы крови и прочее. Не он первый такой, но мало ли... — Он пожал плечами. — Показания запишите. Сравним. И анализ крови, на предмет веществ. Сдается мне, он...

Когда торжествующего Коробченко увели, Грановский уронил тронутую сединой голову и почти молящим голосом обратился к молодому парню с усами-перышками, в форменной одежде:

— Слушай, браток. Будь другом, принеси кофе.

Как только за покорным сотрудником закрылась дверь, Грановский, потирая мозолистые руки, посмотрел на Зверева.

— Ну, что там по последней?

— Да все то же. Шесть глубоких ран в грудь, живот. Руки отсечены по локоть. Как и в первом случае, орудие убийства нашли на месте. Отпечатки проверяют. Погибшая Инна Шишкевич. Тридцать три. Замужем. Ребенок, полтора года.

— О, господи! — Грановский застонал.

— Ну чего, надо ехать. — Зверев хлопнул бумажной папкой по столу.

— Поехали, Миш. Нет, обожди минуту. Сперва кофе.

3.

— Чего задумался? — Грановский поглядел на Зверева, который как-то погрузился в себя.

На лице молодого человека лежала тень, взгляд поблескивал холодным железом.

— Да вот думаю. Живешь, ходишь на работу, вечером возвращаешься, думаешь, жена встретит. Потом звонят. Соболезнуем, вашу любимую расчленили. Обязуемся вернуть все части в целостности и сохранности. — Он выпустил из груди воздух, будто пытался выдавить тяжелый комок.

— Думаешь, я об этом не размышлял сто тыщ раз? — Грановский тряхнул головой. — Вот поэтому и поседел к пятидесяти. Отец мой в восемьдесят три до сих брюнет, чуть-чуть только посеребрился. А я... — он обвел рукой вокруг головы.